

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Закон
вселенской
ПОДЛОСТИ



Смешные детективы

Елена Логунова

Закон вселенской подлости

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Смешные детективы / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2016 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-699-86756-1

Полина не понимала загадочную подругу Юлю, страстно стремившуюся замуж. Та даже отправилась на телешоу «Совет да любовь», да вернулась оттуда ни с чем. Вернее, ни с чем хорошим — после показа телепередачи две участницы шоу подверглись нападению маньяка, и, судя по всему, Юля должна стать следующей жертвой... Но храбрые девушки не намерены отступать перед лицом опасности. Даже несмотря на то, что в их дом зачастили подозрительные личности, ведь некоторые из них очень даже симпатичные!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86756-1

© Логунова Е. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пятница	6
Суббота	20
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Логунова

Закон вселенской подлости

© Логунова Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пятница

Нарядная – в искристом синем платье и золотистых локонах – Юля на экране всплеснула розовыми крылышками чистых ладошек и задушевно-напевно сказала:

– Ой, а я летаю во сне! Но не очень хорошо, часто падаю... Я раньше лучше летала! – Потом экранная Юля вздохнула и после паузы добавила: – Но раньше я меньше весила, не восемьдесят пять кило...

Зрители грохнули смехом и принялись толкать друг друга локтями, отчего по рядам студийного амфитеатра побежала волна. Тетки-ведущие прослезились, жених ухмыльнулся, а затрапезная – в линялых лосинах и растянутом свитере с катышками – реальная Юля рядом со мной на диване улыбнулась светло и тепло, как весеннее солнышко.

– Юля, – сказала я ей по-матерински ласково. – Нельзя же быть такой идиоткой!

– Почему нельзя? – удивилась Юля, отворачиваясь от экрана, чтобы заглянуть мне в глаза.

Для этого ей пришлось перекосяться и сгорбиться.

Юля на две головы выше меня и почти вдвое тяжелее. Бок о бок мы с ней смотримся как моська и...

Нет, нет, ни в коем случае не слон!

Я крайне далека от того, чтобы критиковать внешность подружки. Нет у меня на это никакого морального права – сама далеко не Венера Милосская!

Моя Юля вовсе не толстая, она просто большая.

Мы с ней как карликовый пинчер и сенбернар. Обе красивые, только по-разному, а еще умные и верные.

Я так думаю.

Вообще-то нам некому хранить верность: у нас с Юлей на двоих ноль целых пять десятых кавалеров.

За половинку я посчитала Гавриила Иосифовича, у которого мы снимаем комнату. Он уделяет нам с Юлей немало внимания. Говорит, что мы похожи на его внучку Лею.

Я никогда не видела эту Лею и не представляю, как она выглядит, если похожа на меня и на Юлю одновременно. Это должно быть какое-то фундаментальное сходство. Думаю, у Леи две руки, две ноги и одна голова. Детализация невозможна из-за кардинальных расхождений в нашем с Юлей экстерьере.

У Юли сорок первый размер обуви, у меня тридцать седьмой. У нее веснушки на носу, у меня родинка на щеке. Юля белокожая, румяная, с длинной русой косой и пышной грудью, а я смуглая, с коротким черным «ежиком» на голове и поролоновыми вставками в лифчике.

Боюсь представить, что за бюст у Леи – одна грудь пятого номера, а вторая нулевого?!

Я с удовольствием вообразила себе разногрудую, разноногую и разноглазую гибридную внучку Гавриила Иосифовича и тоже ухмыльнулась.

Зрители на экране очень кстати захохотали дружным смехом из прошлого века.

А вы знаете, что на телевидении до сих пор используют стародавние записи смеха людей, которые жили пятьдесят лет назад и теперь уже умерли? По-моему, это просто жутко – веселиться вместе с хором покойников.

– Почему, Поль? Почему нельзя быть такой идиоткой? – пытливо повторила Юля, явно ожидая от меня четкого, ясного и аргументированного ответа.

Из серии «нельзя курить, потому что одна капля никотина убивает лошадь».

Я замаялась, не зная, что сказать. Нельзя быть такой идиоткой, потому что тебя замуж не возьмут? Это слишком жестокая правда.

Но Юле отчего-то приспичило прямо сейчас поговорить об идиотках (то бишь о нас с ней), и она спросила по-другому:

– А какой можно?

– Такой, наверное!

Я сердито указала подбородком на глянцевую блондинку.

Подбородок у меня острый, а блондинкины выпуклости все надувные, силиконовые, так что при реальном контакте я могла бы ее продырявить с громким звуком. Но блондинка удобно устроилась на диване в телестудии, по ту сторону экрана, так что с моей стороны ей ничего не грозило.

Жених же устался на блондинкины выпуклости с таким видом, как будто приготовился впитаться в сладкий кусочек.

Будь я этой самой блондинкой, я уже достала бы из сумочки перцовый спрей – прекрасный отпугиватель начинающих сексуальных маньяков.

– Будь я такой блондинкой... – мечтательно протянула Юля, и я с интересом приподняла одну бровь.

Считается, что у дураков мысли сходятся. Если бы Юля тоже упомянула спрей или маньяка, я бы окончательно постановила считать нас с ней идиотками.

Но Юля сказала другое:

– Будь я такой блондинкой, я бы носила только голубое и розовое, как куколка. И иногда кремовое. И еще кипенно-белое, с кружавчиками, ленточками и стразами!

– Тебе нравятся пастельные наряды с кружевами и блестками?!

Я очень удивилась, потому что никогда не видела Юлю ни в чем подобном.

Если бы видела – не забыла бы.

Юля в пышном розовом была бы похожа на куклу из тех, что продаются в интерьерных лавках вместе со стегаными одеялами и прихватками для горячего и ласково называются «Баба на чайник». В Юлином варианте была бы укрупненная версия «Супербаба на семи-ведерный самовар».

– Нравятся, но на расстоянии, – честно ответила мне подруга. – Когда я стою по одну сторону витрины, а манекен в кружевах – по другую. Мне самой эти пастельные тона не идут, я в них похожа на свадебный торт на сто персон.

Я хмыкнула.

Голос Юли прозвучал без прискорбия. Она не сетовала, просто констатировала факт.

Вот еще одно, что сильно отличает меня от Юли: она совершенно не комплексует по поводу своей внешности!

Я снова посмотрела на экран.

Глянцевая блондинка переместилась с дивана на подиум и, покачиваясь, как березка на ветру, исполняла для публики в зале и многотысячной аудитории телезрителей трогательную детскую песенку со словами: «Села птичка на ветку! Ля-ля-ля, ля-ля-ля! Хочет птичка конфетку! Ля-ля-ля! Ля-ля-ля!»

Простенький вокал и незатейливые слова вонзались в мозг, как гвозди, – намертво. Если бы я не знала, что авторы произведения – уважаемые Давид Тухманов и Юрий Энтин, решила бы, что это черное колдовское заклинание для создания зомби.

Потенциальный жених, уже весь насквозь зомбированный, маниакально блестя очками, нервно ерзал на диване и облизывался. Аналогия с птичкой, вождем сладенького, прослеживалась с легкостью.

– А сейчас смотри, смотри, что будет!

Юля резко подалась к экрану, и розовые меховые кролики на ее тапках возбужденно затряслись.

Юля смотрела это шоу уже во второй раз. Даже в третий, если считать непосредственное присутствие в студии во время записи телепередачи. Вообще-то я там тоже была, но получила так много неприятных впечатлений, что премьерный выход программы на голубые экраны страны нарочно пропустила.

Я вспомнила, что будет дальше, и зажмурилась. Потом устыдилась своего малодушия и открыла один глаз.

На экране жених определился с выбором и заторопился, простирая руки, к детке-конфетке. К сожалению, на пути пылкого влюбленного оказалась отверженная Юля. Вернее, Юлина нога. Весьма мясистая, скажем прямо, клюшка сорок нехилого размера, водруженная на колено второй такой же и игриво покачивающаяся.

Ослепленный глянцевою красой жених препятствия не заметил, споткнулся и пал. Сбитая с Юлиной ноги массивная туфля на платформе чудом разминулась с объективом опасно приблизившейся камеры, просвистела мимо уха оператора и попала в блондинку. В одно из многочисленных мягких мест попала, но крику-то было!

– Я не нарочно! – не в первый раз повторила моя подружка.

Со стороны было похоже, будто она коварно подкосила чужого кавалера подножкой.

– Я тебе верю, – сказала я, акцентировав первое местоимение.

А вот блондинка не поверила и розовыми ноготками растрепала Юлины парикмахерские кудри в мочалку. Прямо в эфире! Операторы разрывались, не зная, что им снимать.

– Давай уже выключим? – попросила я. – Такой позор, не понимаю, как ты это смотришь?

– Почему позор? – удивилась улыбающаяся Юля.

Жених чертовски забавно убежал с передовой и из кадра на четвереньках.

– Потому что нельзя быть такой идиоткой! – раздосадованно повторила я.

– Почему нельзя?

– Да потому!

Круг замкнулся.

Юля терпеливо ждала ответа, и я поняла, что мне все-таки придется сказать ей суровую и бескомпромиссную правду... И тем разрушить светлые девичьи мечты подружки, решительно настроенной обрести семейное счастье в сжатые сроки.

По Юлиной версии, двадцать пять лет – это критический возраст.

Девушка, не сходявшая к алтарю до двадцати пяти, зря коптила небо четверть века и, едва задув свечки на дежурном торте, обязана сделать себе харакири пилочкой для ногтей. Потому что после двадцати пяти лет у такой девушки нет права использовать маникюрные принадлежности по прямому назначению, ибо она уродина непоправимая.

Это не я так думаю, это Юлин заскок. Мне-то всего двадцать два, так что я пока могу позволить себе более широкие взгляды на оригинальную женскую красоту и традиционные институты семьи и брака. А вот Юле двадцать четыре года и десять месяцев. И я уже попросила Гавриила Иосифовича без фанатизма точить кухонные ножи, а также потихоньку заменила металлические пилочки в наших с Юлей косметичках стеклянными.

– Так почему? – настойчиво повторила Юля.

От необходимости ответить меня спас Гавриил Иосифович.

– Полюшка, тебя к телефону! – позвал он из коридора.

– Полюшко, поле! Полюшко, широко поле! – тут же запела Юля, размеренно подпрыгивая коленками и натягивая воображаемые поводья. – Ехали по полю героини! Ай, да Красной Армии героини!

– На себя посмотри! – огрызнулась я, выходя из комнаты, и хлопнула дверью.

«Широко поле» – это точно не про меня! Я-то вешу всего пятьдесят кило!

Кстати, а вы знаете, что «Полюшко, поле» – это вовсе не народная песня? Музыку для нее сочинил композитор Книппер, а слова – поэт Гусев. Я не знаю, кто они такие. Просто так сообщаю, чтобы не обвинили в плагиате.

– Приятный мужской голос! – возбужденно нашептал Гавриил Иосифович, передавая мне трубку.

И не ушел далеко, остался болтаться в коридоре, как лодочка у причала.

– Спасибо, Гавросич!

Я фыркнула, но, конечно, заинтересовалась и специально пониженным грудным голосом мурлыкнула в трубку:

– Алло-уо?

– Павлова Павлина Павловна? – спросил мужской голос.

Ничуть не приятный.

Вообще дурак!

– Паулина! – сердито поправила я.

Спасибо вам, мамочка с папочкой, в стомиллионный раз!

В школе у меня были клички Паша-в-кубе и Павлин. К десятому классу это меня так достало, что я подстригла волосы перьями и выкрасила их зеленкой. Павлин так павлин! Как ни странно, после этого меня дразнить перестали. Тем не менее ФИО свое я предпочитаю лишний раз не озвучивать.

– Павлова Па-у-лина Павловна? – невозмутимо принял поправку относительно приятный мужской голос.

– Да. А вы кто?

– Федоров Федор Федорович.

– Тогда нам точно есть о чем поговорить, – хмыкнула я, стремительно добрая.

Уверена, что этого парня одноклассники звали Федя-в-кубе.

– Когда вам будет удобно?

А Федя-в-кубе напорист!

– Когда нам будет удобно что? – уточнила я.

– Встретиться и поговорить. Я могу подъехать, когда скажете.

– Правда?

Меня удивила эта настойчивость. Мужчины с приятными голосами меня не преследуют.

– Правда, правда, – Федор Федорович хмыкнул. – Я всегда говорю правду, одну правду и только правду. И вам советую.

– А откуда вы взялись, добрый советчик?

– Я из полиции.

– Ого!

– Кто, кто?! – выразительно артикулируя, беззвучно спросил любопытный Гавросич.

– Спортлото! – ехидно ответила я ему в рифму.

– А что случилось? – Из комнаты, ловко заплетая тугую косу, выглянула Юля.

– Наша Полюшка выиграла в лотерею! – охотно проинформировал ее Гавросич.

– Много? – заинтересовалась Юля.

– Сказала – «Ого!», значит, много, – рассудил Гавросич. – Миллион, наверное. Или даже два.

– Два! – подтвердила я, начиная злиться. – Два фантазера вы, старый и малый! Не мешайте, пожалуйста, у меня тут серьезный разговор!

– Нет, Паулина Павловна, серьезный разговор у нас с вами еще впереди, – возразил кубический Федор в трубке. – Завтра в девять утра вас устроит?

– В девять? – Я замялась, потому что планировала спать до полудня как минимум.

– Что? Девять миллионов?! – по-своему понял слегка глуховатый мечтатель Гавросич.
– Нет, по-моему, не миллионов, – потянула его в сторону Юля. – С таким лицом про миллионные выигрыши не говорят...

– С каким лицом?

Я повернулась, посмотрела на себя в зеркало, скривилась и отвернулась.

– С лицом морально и материально ответственным, – заверил меня невидимый Федор Федорович и явственно хихикнул.

– Кто звонил? – спросила Юля, когда я положила трубку.

– Федор Федорович Федоров из полиции, – ответила я задумчиво, машинально направляясь в кухню, откуда заманчиво потянуло жареной колбасой. – И вслух подумала: – Какие у полиции могут быть ко мне вопросы?

– Почему сразу вопросы, может, у них ответы! – легко рассудил Гавросич и ловко разбил о край сковородки куриное яйцо.

Сковорода заговорщицки зашкворчала.

Я посмотрела на деда:

– Я вроде ни с какими вопросами в полицию не обращалась?

– Угу, – Гавросич энергично кивнул и в самый последний момент поймал полетевшие в яичницу очки. – Но кто ключи потерял в прошлом месяце?

Я перестала хмуриться.

Ключи я и вправду потеряла, о чем на всякий криминальный случай добросовестно уведомила нашего участкового. Менять замки в двери Гавросич отказался, объявив, что он дедушка неимущий, богатый исключительно воспоминаниями и жизненным опытом, какие у него никто не украдет.

Шаркая тапочными кроликами, в кухню вошла Юля. Она встала на цыпочки у открытой форточки, шумно потянула носом сырой прохладный воздух с дымком от горящих листьев, сладко потянулась, вздыбив грудь Эверестом, и доверительно сообщила:

– Вот нравится мне такая осень! Прямо есенинская. Сразу хочется в деревню, где такая, знаете, изба-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины... А что у нас на ужин сегодня?

– Таперича яешня, – показательно надтреснутым голосом отозвался Гавросич, в продолжение есенинской темы играя замшелого деревенского старичка. – Сидайте вечерять, девоньки!

– Гавриил Иосифович, вы же культурный мужчина и не из Рязанской губернии родом, вам не идет этот образ, – попеняла ему Юля, но к столу под села без промедления.

– Пейсы мне тоже не идут, – нормальным язвительным голосом сказал Гавросич и потянул со сковородки колбаску. – Я старый интернационалист...

– И не знаю слов любви, – пробормотала я, укусив горбушку.

– В каком это смысле? – озадачилась Юля.

– Фильм «Здрасте, я ваша тетя!» помнишь? Это оттуда: «Я старый солдат и не знаю слов любви. Но когда я впервые увидел вас, донна Роза, я почувствовал себя утомленным путником, который на склоне жизненного пути узрел на озаренном солнцем поле нежную, донна Роза, нежную фиалку!» – с чувством процитировала я.

– Ох, как я мог забыть!

Гавросич со скрежетом отодвинул свою табуретку и рысью убежал на балкон.

Я вопросительно посмотрела на подружку:

– Что это было, я не поняла? Старый солдат внезапно вспомнил слова любви?

– Старый солдат вспомнил про свою нежную фиалку, – Юля невозмутимо хрустнула огурчиком. – Ты разве не заметила? Он уже неделю днем ставит горшок с Чучундрой на солнышко, а на ночь убирает в тень. Надеется, что Чучундра зацветет.

– Я заметила, – кивнула я.

Чучундру на подоконнике трудно было не заметить. Особенно, если смотреть в освещенную комнату с темного двора! Чучундра тогда выглядит в точности, как башка Шрека с прической «Ирокез».

Чучундра – это зеленый питомец Гавросича и ни разу не фиалка. В миру этот здоровенный колючий арбуз известен как Эхинокактус Грузона. Не знаю, кем нашей Чучундре приходится тот Грузон, но Гавросич с ней носитесь ну, просто как отец родимый! Как будто происходит от того Грузона по самой прямой линии.

– Девоньки, я там горшочек вам под окошко поставил, не зацепите, – старый солдат вернулся к столу, упал на табуретку и в хорошем темпе взялся за яичницу. – А вы с утраца, как встанете, опять его на солнышко поставьте.

– Поставим, – пообещала Юля.

А я отмолчалась, потому что поднять горшок с Чучундрой лично мне не под силу.

И вообще, как говорит Гавросич, за столом разговаривают только диетики и рахитики! В смысле, те, кто на финише трапезы гарантированно останутся голодными.

Сковорода стремительно пустела, я сосредоточилась на омлете насущном и заработала вилкой в челночном режиме.

– Никак, ушла?

Карлик в дождевике с капюшоном постучал одним сырым ботинком о другой и с чувством сказал:

– Брр!

– Да уж, бабенка страшноватенькая, – согласился рослый тип, по плечи спрятавшийся в глубокий, как колокол, прозрачный зонт.

В полусфере мутноватого пластика его щекастая физиономия виднелась неясно и напоминала собой раздутую давлением глубоководную рыбу в аквариуме. А карлик, с ног до головы упакованный в голубой целлофан, если бы не шевелился, не отличался бы от приготовленного на выброс мусорного мешка.

Взгляды прохожих эти двое не притягивали лишь потому, что вовсе некому было на них любоваться дождливым осенним вечером.

– Ясно, что страшненькая, – поддакнул карлик. – Иначе не жила бы у старого слепого деда.

– Он разве слепой? – усомнился гигант.

– Ну, полуслепой! Зрячий разве смог бы изо дня в день такую рожу наблюдать?!

Карлик вспомнил круглую, как арбуз, башку с торчащей щетиной коротких толстых волос и поморщился. Ей-богу, редкостная страхолюдина! Хорошо еще, из темноты в светлой комнате только черную тень разглядеть получилось, без подробностей. Небось лицо у страхолюдины такое, что ой-ой-ой.

– А мне ее даже жалко стало, – сказал гигант. – Сколько мы тут стоим, второй час?

– Угу.

– И бедная девка все это время, как приклеенная, мордой в окошко стояла. Небось несчастная уродина на улицу лишний раз не выходит, чтоб народ не пугать.

– О! Кстати, кто-то вышел!

Карлик встрепенулся и заторопился, шурша целлофаном, за угол.

Дом, у которого они караулили уже второй час, был кирпичным, трехэтажным, еще сталинских времен, и в окружении белых свечек бетонных многоэтажек выглядел темным тухлявым пеньком. Особое неудобство для наблюдателей представлял тот факт, что все окна нужной им квартиры находились на одной стороне здания, а вход в единственный подъезд – на другой. К счастью, деревянная дверь подъезда была снабжена мощной стальной пружи-

ной и добросовестно сообщала о прибытии-убытии жильцов всем, находящимся в радиусе километра, оглушительным грохотом.

– Все, дедок ушел в ночное, – доложил, вернувшись, карлик. – Минус один...

Они синхронно подняли головы и с надеждой посмотрели на окна второго этажа. Словно в ответ на немой призыв, в среднем из них нарисовался вогнуто-выпуклый силуэт.

– А вот эта красotka, – с одобрением молвил карлик и мечтательно засопел: – Какие формы, а? Какие формы!

Фигуристая красotka задернула шторы и исчезла.

Второе и третье окно потемнели одно за другим.

– Либо спать легли, либо...

Карлик недоговорил и заторопился за угол, но на повороте поскользнулся и с разбегу шлепнулся в лужу.

Его рослый спутник этого даже не заметил, потому что смотрел, не отрываясь, на темные окна, а звук падения не крупного тела в мягкую грязь получился недостаточно громким, чтобы пробиться под защитный купол зонта.

Дважды грохнула подъездная дверь.

Изгвазданный карлик, брезгливо отряхивая штанишки ладошками, вернулся к напарнику и ворчливо сказал:

– Девки ушли.

– Обе?

– Дверь же дважды хлопнула, – уклончиво ответил карлик, не уточнив, что не видел ухода девок своими глазами, поскольку на середине дистанции слег в лужу.

– Ну, пошли тогда и мы, – вздохнул здоровяк и сложил свой зонт с сухим тревожным щелчком, похожим на осечку патрона.

Когда я вышла из ванной, в нашей девичьей светлице уже было темно, как в склепе.

Юля не только погасила свет, но и плотно задернула шторы, так что мне пришлось красться к своей койке на цыпочках, помахивая перед собой руками, как дирижер-эпилептик. С той разницей, что дирижер управлял бы звуками, а я, наоборот, стремилась сохранить тишину. Понимала, что, если я сослепу врежусь в мольберт, Юлина попытка поскорее отойти ко сну с конкретным грохотом провалится.

Знаете ли вы, как шумно падает на голый паркетный пол складной алюминиевый мольберт-тренога и как трудно потом собрать из него именно ту конструкцию, которая заявлена земным производителем, а не корявую модель инопланетной техники?

Все эти телескопические трубочки рассыпаются в руках, плоскости норовят выгнуться в лопасти, а гайки коварно раскатываются по углам, чтобы артефактами залечь там в вековой пыли на радость археологам грядущего...

«Нет, чтобы хоть раз полы нормально вымыть! – тут же придрался к слову мой внутренний голос. – Куда там, они же творческие натуры, могут жить исключительно в художественном беспорядке!»

Я виновато хмыкнула и, благополучно ткнувшись коленками в раму своей кровати, в сложной йоговской позе «собака мордой вниз» вползла под одеяло.

Полы мыть – это я не люблю. А Юля так и вовсе их только пачкать умеет, причем по большей части красками.

Она у нас молодая мастерица кисти и шпателя, выпускница художественного училища по неостребованной в суровой реальной жизни специальности «Реставрация, консервация и хранение предметов искусства».

Вместо того чтобы реставрировать и консервировать бесценные произведения, Юля расписывает тарелки и кружки производства местного фарфоро-фаянсового комбината.

Как настоящий художник, она из каждой корявой миски стремится сотворить шедевр, за что косное фабричное начальство постоянно к ней в претензии.

Хотя кофейный сервиз на двенадцать персон с изображением на каждой чашке отдельной – тщательно выписанной в деталях – позы Камасутры начальник цеха не разбил, как обещал, в припадке праведного гнева, а списал, как бой, и вынес с фабрики в неизвестном направлении, нежно прижимая к груди.

Юля уверена, что этот ее сервиз непременно осядет в какой-нибудь частной коллекции, но пока чаще получает зарплату собственными непризнанными работами, чем деньгами.

Зато у Гавросича за три месяца Юлиного квартирования накопилось столько посуды, что ее уже ставить некуда. Даже на книжных полках в рядок, как слоники, художественно расписанные кружки стоят!

«Надо было горячего молока с медом на ночь попить, – строго в тему кружок пробормотал мой внутренний голос. – От простуды и для лучшего сна, хрррр...»

Снотворное мне не понадобилось: я уснула, едва совместила подушку и щеку.

Мокрый зонт не зря не включают в набор инструментов, с которыми ходят на дело опытные домушники и медвежатники.

– На обратном пути заберем, – пробормотал здоровяк, аккуратно – острой пикой вниз – пристраивая свой сочащийся водой аксессуар в углу подъезда.

– Точно! И еще надо раздеться.

Карлик торопливо стянул с себя предательски шуршащий дождевик и повесил его на ручку зонта.

Здоровяк с сомнением посмотрел на собственные мокрые следы.

– И разуться надо! – с готовностью подсказал карлик, бодро постучав сапожком о сапожок. – Носки-то сухие, следов не оставят!

– Ну, давай, – без уверенности согласился здоровяк.

– Все, я готов, – быстро разувшись, сообщил карлик. – Начали, первый пошел!

Он браво отсалютовал напарнику пластмассовой масленкой из набора для винтажной швейной машинки «Подольская» и резво потрусил по ступенькам вверх.

Здоровяк вытянул ногу из сапога, носочком брезгливо, как нежная купальщица, потрогал цементный пол, скривился, вздохнул, неохотно ра-зулся и длинным шагом через две ступеньки заторопился вслед за карликом.

Рядом с зонтом, временно возведенным в статус вешалки, в расплывающейся все шире луже разнокалиберными яхтами остались висеть четыре сапога.

Заслуженный бомж Егорыч, предпочитающий красиво называть себя идейным сквоттером, стал невинной жертвой плохой погоды и недобрых людей.

Чиновники Департамента землепользования закрыли глаза на факт незаконного строительства в русле ручья гаражей, а небесная канцелярия допустила аномальный ливень. В результате обычно невидимый ручей поднялся, как на дрожжах, побурел, вспенился и залил полуподвальное складское помещение, используемое Егорычем в качестве ночного приюта. В воду канули не только надежды Егорыча на сон и отдых, но и все пожитки идейного сквоттера.

Стоя на берегу потока, с ревом устремляющегося в просвет между сциллой кирпичного гаража и харибдой бетонного, Егорыч чеканно сформулировал свои претензии к судьбе в ярких матерных выражениях и, сдвинув блестящую дерматиновую кепку на ухо, энергично почесал в затылке.

Буйные кудри на виске, лишенном защиты дермокепки, моментально намокли.

Егорыч тяжело вздохнул, равномерно распределил по голове мокрый кепочный блин и огляделся в поисках убежища.

Дырчатый игрушечный домик на детской площадке уже промок, поредевшая сообразно времени года виноградная беседка тоже дала течь, а сухие и светлые подъезды недалеких многоэтажек все, как один, высокомерно отгородились от сквоттера металлическими дверями с кодовыми замками.

Хитроумными запорными механизмами не обзавелась только старая «сталинская» трехэтажка, дверь которой и так открывалась далеко не каждому, а лишь тому, кто мог взять ее силой. Изящные дамочки модельной внешности, дряхлые старушки, малые дети, убежденные вегетарианцы, анорексика и дистрофики не имели никаких шансов победить могучую дверь, из-за чего жилье в старом доме не пользовалось повышенным спросом у потенциальных квартиро-съемщиков.

Егорыч, однако, был вполне могучим старцем и поединка с дверью не убоился.

Судьба, благосклонная к сильным и смелым, игриво качнула бедрами и повернулась к Егорычу лицом.

– Ух ты! И обувка нам тут, и одежда! – обрадовался сквоттер, мечтавший всего лишь о сухом уголке, увидев бесхозное имущество в уголке подъезда.

Он уронил на подоконник мокрую кепку, повел плечами, сбрасывая на пол насквозь промокшую кофту, стянул с ног чавкающие кеды и с удовольствием переобулся в сухие резиновые сапоги здоровяка.

Сапожки карлика сквоттеру были бы малы размеров на восемь, что не мешало Егорычу усыновить и детскую пару: авось в хозяйстве пригодится.

Просторный дождевик, укрывавший карлика с головы до ног, нехилому габаритами бомжу сошел за куртку.

Укрывшись от дождя под халявным зонтом, Егорыч зажал под мышкой сапожки и, лирично насвистывая «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам», покинул подъезд, сделавший ему такие полезные и своевременные подарки.

Вековая мудрость сквоттеров подсказывала Егорычу, что ноги в чужих сапогах имеет смысл унести подальше от места чудесного обретения обновок.

– Подсвети! – шепотом потребовал карлик и зачем-то заглянул в замочную скважину, расположенную очень удобно для малорослика – как раз на уровне глаз.

За дверью было темно.

На лестничной площадке, напротив, посветлело: здоровяк послушно включил фонарик.

Карлик покапал из масленки в замочную скважину и на нижнюю из дверных петель. Затем напарники поменялись инструментами, и карлик поработал осветителем, а здоровяк промаслил петли в верхней части двери.

Ключ провернулся в скважине без звука, замок открылся с негромким щелчком, щедро умасленные дверные петли безмолвствовали.

Желтый луч фонарика образовал на потертom линолеуме прихожей рябую лунную дорожку.

– Пошли, – скомандовал карлик и первым двинулся в квартиру.

Мне снился странный и тревожный сон.

Как будто меня и еще пару девушек доставили на Центральное телевидение для участия в интеллектуальной игре.

На этой стадии я еще не волновалась, так как обоснованно считаю себя девушкой эрудированной – зря, что ли, работаю в городской библиотеке!

Импозантный ведущий для начала спросил меня, сколько длилось на Руси монголо-татарское иго, и я с ходу уверенно ответила, что примерно двести сорок лет.

Что вообще-то правильно только в том случае, если мы говорим о Северо-Восточной Руси.

– Ого, надо же, она проходит во второй тур! – зашептались тени за моей спиной.

Я самодовольно усмехнулась, но следующее задание стерло улыбку с моего лица.

– Завяжи-ка мне хвост, – потребовал ведущий и повернул голову, демонстрируя гладкошерстный затылок.

Я обмерла.

Волосатостью Анджелы Девис (кто не знает, это чернокожая американская правозащитница середины прошлого века) ведущий похвастать не мог.

Какой хвост? Из чего?!

Я обреченно потянула из карманов кстати обнаруженные там резиночки для волос – одну простую черненькую, вторую с хорошенькой золотой рыбкой.

– Эту хочу, – кокетливо молвил ведущий, предсказуемо выбрав рыбку.

Дрожащими пальцами я попыталась собрать коротко стриженные волосы кокетливого ведущего в хвостик, но, разумеется, не преуспела и прохныкала:

– Я не могу...

– Сдаешься?! – Ведущий победно сверкнул очами. – Так смотри же!

И он повернул голову, взмахнув роскошным каштановым хвостом, закрепленным на затылке большой заколкой типа «краб».

Даже не будучи профессиональным парикмахером, я сразу же поняла, что это волосая накладка.

– Но это же жульничество! – возмутилась я, не сдержавшись.

– Ведущий не может жульничать! – зашумели тени у меня за спиной.

И кто-то безразлично повелел сквозь зевок:

– Отруби-и-ите ей голову...

– Нет! – закричала я и проснулась, успев краем глаза уловить острый бело-синий про-сверк.

«Что это было?» – озадачился мой внутренний голос.

Неадекватное спросонья воображение вместо ответа проворно нарисовало взлетающий меч.

Не успев понять, сколь глупо мое поведение, я сгруппировалась и скатилась с кровати на пол.

Что-то пискнуло и прошмыгнуло совсем рядом с моим лицом, обдав его ветром.

Воображение с разгону нарисовало дюжую крысу и для полноты антуража – каменный мешок классических пыточных застенок.

«Встань и дерись!» – повелел мой внутренний голос, ибо деваться было некуда.

Не раздумывая, я пошарила вокруг себя, подхватила знакомое с детства оружие – добрую перьевую подушку, воинственно зарычала, размахнулась и запустила свой снаряд во тьму.

Удар вышел мягким, пожалуй, боевая подушка попала не в каменную стену.

Окружающий мрак посерел, пошел волной.

Мне показалось, будто я услышала прерывистый вздох, а затем ускоряющийся мягкий топот ног – явно больше двух и определенно более крупных, чем крысиные!

А потом раздался вопль боли, и к моей собственной голове подкатилось, кувыркаясь, что-то круглое!

«Отрубленная голова...» – пролепетал мой внутренний голос, совершенно, бедолага, дезориентированный и замороженный.

Я испуганно икнула, села на пол и, стыдно сказать, потеряла сознание.

– А, ч-ч-ч-черт! А, ч-ч-черт! – шипел карлик, кособоко прыгая по ступенькам лестницы на одной ножке.

Носок его второй ноги изменил расцветку, сделавшись бежевым в крапинку. Темные крапинки пугающе расплывались, превращаясь в кровавые пятна.

Карлик поскуливал, но здоровяк ему не сочувствовал.

– Что это было, я не понял? – сердито бурчал он, поглядывая то на опасно балансирующего напарника, то назад, через плечо. – Вошли идеально, пошли нормально, а потом ты роняешь фонарь, пищишь, как мышь, и улепетываешь, как испуганный заяц!

– «Что это было, что это было»! – передернув лопатками, передразнил товарища карлик. – Не видишь, что ли, мою ногу? Вся в крови!

– Кровавую ногу вижу, а причину этого не вижу, – здоровяк обогнал ковыляющего напарника, на ходу присмотревшись к пресловутой ноге. – Скажи мне, что случилось и когда? Все шло по плану...

– Вот только не начинай сначала, – досадливо скривился карлик и снова передразнил: «Нормально вошли, идеально пошли!» Ни хрена не нашли и к черту ушли! Во-первых, там кто-то был...

– Ага, – здоровяк кивнул. – Хотя ты уверял, что и дед, и девки удалились!

– Значит, у них еще кто-то живет, – не собираясь признавать свою вину, заспорил карлик. – Собака, например! Ты слышал, как она рычала?!

– Цапнула? – сбавляя тон, почти сочувственно спросил здоровяк.

Дикое собачье рычание он прекрасно слышал и, честно признаться, сам немного струхнул.

Этак рычать могла, к примеру, бешеная собака Динго.

– Царапнула, – в рифму ответил карлик. – Когтища, как сапожные шила!

– Не, собаки не царапаются, – усомнился в сказанном здоровяк. – Значит, там еще кто-то был. Должно быть, кошка. Небось спала себе под теплой батареей, а ты за штору полез и на нее напоролся.

– По-моему, это был дикобраз, – пробурчал карлик в спину остановившегося спутника. – Ну, чего ты застрял?

– А где наша обувь? – Здоровяк не двинулся с места и напрягся, бугрясь плечами. – И зонты? И плащи? Эй, а где наше все?! – Он обернулся к напарнику: – Да подвинься ты, шкаф!

Карлик вывинтился из-под руки дюжего спутника, посмотрел в пустой угол и затейливо выругался. А потом, решив, что терять уже нечего, повинулся:

– Масленка, кстати, тоже потерялась...

– Масленка – это ерунда, а вот как мы без сапог по лужам пойдем? – почесал в затылке здоровяк.

– Вернее, как ты пойдешь, я-то вообще не ходок, меня нести надо, – смекнув, что к нему претензий нет, жалобно молвил карлик и с намеком потряс окровавленной ножкой.

– О боже, – пробормотал здоровяк и брезгливо скривился, но все-таки подставил ручки.

Юля шагала во тьме под дождем, даже не пытаясь искать местечки посуше. Она топала по лужам, не разбирая дороги, и горько радовалась, проваливаясь в холодную воду по щиколотку.

– Так тебе и надо, дурища деревенская! – негромко, но с чувством, выговаривала Юля сама себе. – Из грязи в князи захотела? А фигушки! Принцесса, как же, можно подумать, Василисушка! Закатай губу и лезь обратно в лужу, да поглубже, жаба нецелованная!

Жаба не жаба, а глубоко в душе что-то тяжело ворочалось и тоскливо ныло. По упругим девичьим щекам и персям, смешиваясь с дождевой водой, текли горькие слезы.

Почти двадцать пять лет!

В ее возрасте у матери Джульетты была уже одиннадцатилетняя дочь!

А сама Джульетта в ее возрасте вообще уже давно в гробу лежала!

Без малого двадцать пять лет, четверть века!

Возраст, в котором нормальная девушка должна уже быть крепко замужем!

Этим вечером обычно живая и веселая Юля чувствовала себя столь же древней, страшной и чуждой всяких радостей плоти, как хорошо выдержанная египетская мумия. Это ощущение разительно контрастировало с заветной мечтой, в которой ее, прелестную и воздушную, как принцесса фей, нес на руках великолепный красавец самых рыцарских статей.

Голос разума, заметно обеспокоенный приступом черной, как грязь под ногами, депрессии, пытался приподнять настроение хозяйки над лужами уверениями, что романтические мечты заведомо несбыточны, ибо рыцари если не вовсе перевелись, то уж точно измельчали и никого, крупнее свежесвыловленного карася на уху, на руках не носят.

Удрученную Юлю эти занятные рассуждения наверняка развеселили бы, не опровергни их реальная действительность.

Громко хлопнула дверь.

Машинально отреагировав на звук, Юля подняла голову и увидела душераздирающую картину.

По волнующейся луже целеустремленно, как ледокол на помощь терпящим бедствие полярникам, мощно пер мужчина богатырского сложения, а на руках у него, пряча личико от дождевых струй во впадине между грудными мышцами рыцаря, уютно устроилась какая-то миниатюрная счастливица.

– Повезло же кому-то! – завистливо вздохнула Юля и прищурилась, пытаясь разглядеть принцессу, которой так повезло с рыцарем, но в отсутствие очков не преуспела.

Оно и к лучшему.

Увидев, что редкий в нынешние времена галантный кавалер несет на ручках никакую не принцессу, а миниатюрного мужичка, бедняжка Юля потеряла бы всякие матримониальные надежды.

Разбудили меня яркий свет и громкий звук – тяжкий и горестный коровий вздох.

Обнаружив себя на полу в обнимку со скомканным одеялом, я заморгала и задумалась.

Мне что, все приснилось?

– И что это было? Кошмарный сон или сеанс девичьих грез о бурной страсти? – мрачно поинтересовалась Юля.

Стоя в дверном проеме, она еще не опустила руку, которой хлопнула по выключателю верхнего света, и походила на вождя, приветствующего колонну демонстрантов.

Судя по выражению лица – на соvestливого Цезаря, провожающего идущих на смерть.

Бурной страсти с одеялами я отродясь не предавалась, поэтому лаконично поддержала вторую версию:

– Кошмар.

– Ужас! – с избыточным чувством вскричала Юля, схватившись за голову и выпучив глаза.

Печальный Цезарь мигом превратился в разъяренную Медузу горгону.

– Ты что натворила?!

Горгона выстрелила в меня взглядом, от которого я застыла в полупоклоне.

Разогнуться не получилось – я тоже увидела то, что так шокировало Юлю: помятый баскетбольный мяч, почему-то зеленого цвета, весь в больших крепких иглах...

– Чучундра?! – ахнула я, с ужасом осознавая, что наделала.

Вот, значит, куда пришелся мой богатырский удар подушкой! В занавеску, за которой на полу у теплой батареи ночевала любимица Гавросича!

Изрядно помятый колючий шар беспомощно лежал на боку, сам по себе, без горшка, оставшегося в укрытии за шторой. – об этом свидетельствовал редкий след из земляных комочков.

– Я не хотела!

Я жалко шмыгнула носом.

– Мне приснился страшный сон про крысу, и в полусне я метнула в нее подушку, но я даже не думала попасть в Чучундру, это совершенно случайно получилось!

– За случайно бьют отчаянно, – напомнила Юля.

Она приблизилась к брэнному телу кактуса, оторвавшегося от корней и теперь по виду и сути более походящего на перекаати-поле, и напорочила:

– Все, жизнь прошла напрасно. За драгоценную Чучундру Гавросич нас с тобой убьет!

Это «нас с тобой» меня немного приободрило. Очевидно, подруга не собиралась бросить меня одну на растерзание обезумевшему от горя кактусолубу.

– Может, мы положим ее обратно в горшочек и притворимся, что ничего не было? – сама стыдясь такой подлости, предложила я.

– Какое – не было, у Чучундры такой вид, будто ею в футбол поиграли! – возразила Юля.

– Значит, нужно сделать, как с хомячками, – пробормотала я.

– А что ты делаешь с хомячками? – опасливо спросила подруга.

После того что я сделала с кактусом, она явно заподозрила во мне скрытую живодерку.

Я не могла допустить такого урона своей репутации и постаралась объяснить обстоятельно:

– Когда я была маленькой, у меня был любимый хомячок. Фомчик его звали. Он жил в специальном домике на моем подоконнике почти десять лет...

– Сколько?! – поразила Юля. – Да ладно! Хомяки больше трех лет не живут!

– Вот именно, – кивнула я. – Но Фомчик мой вполне мог жить вечно. Во всяком случае, до тех пор, пока я не поняла, что любящая мама со мной не вполне честна, а современная ветеринария еще не достигла таких высот, чтобы с легкостью возвращать молодость и живость старым больным хомячкам.

– А-а-а! – Подруга догадалась. – Мама уносила очередного дохлого хомяка «подлечиться» и покупала тебе нового!

– Ты быстро сообразила, мне понадобилось десять лет, чтобы понять эту схему, – вздохнула я. – Короче, я думаю, единственный выход – купить Гавросичу другую Чучундру.

– Такую же, но с перламутровыми пуговицами, – ответила Юля подходящей цитатой из известного фильма. – В смысле, непомятую и с целыми иголками.

И до глубокой ночи мы шарили в Интернете, разыскивая близняшку погибшей Чучундры.

Оказалось, что это трудное дело. Заботливый Гавросич раскормил свою колючую питомицу до размера, позволяющего считать данный экземпляр коллекционным. Ясно было, что редкий кактусофил согласится расстаться с подобным ботаническим чудом, из чего следовало – придется раскошелиться.

– Деньги платишь ты, раз убийство Чучундры всецело на твоей совести, но я помогу тебе с сокрытием улики и подлогом, – великодушно пообещала Юля.

Я выписала на бумажку телефоны хозяев трех подходящих по размерам кактусов, и на этом операция «Воскрешение Чучундры» вынужденно приостановилась. Негоже было звонить незнакомым добрым людям в два часа ночи, даже с такой благой целью, как обретение зеленого друга.

К счастью, Гавросич ушел на суточное дежурство, так что на похороны старой Чучундры и водворение на подоконник новой у нас было время до вечера.

Суббота

Мучимая совестью и тревогой, проснулась я рано.

Юлина кровать была уже пуста и даже заправлена, что меня искренне удивило. Обычно наша художница по максимуму использует любую возможность слиться в экстазе с периной.

Пока я размышляла над причиной столь редкого явления, дверь нашей девичьей светелки открылась, пропуская Юлю с большим пакетом типа «майка». Пакет бодро и весело шуршал, Юля что-то напевала.

– По грибы, по ягоды собралась? – немного желчно спросила я, обиженная несоответствием моего собственного утреннего настроения подружкиному.

– По кактусы! – бодро откликнулась Юля и попыталась надеть пакет-майку на насмерть убитую Чучундру.

Кактус, воинственно ошестинившийся длинными кривыми иглами, как отряд янычар – боевыми ятаганами, моментально прорвал полиэтиленовое окружение.

– Ой! – сказала Юля и сунула в рот уколотый пальчик. – А фто ве вевать?

– «Что делать?» – это один из вечных русских вопросов, – припомнила я. – Поскольку очевидно, что иголки и полиэтилен – две вещи несовместные, от чего-то надо избавиться...

– Ты предлагаешь взять пинцет и вырвать иголки? – Юля содрогнулась. – Брр! Это будет натуральное надругательство, я не могу, даже не проси меня!

– Я не предлагаю выдергивать из Чучундры иголки! – обиделась я. – Не надо делать из меня монстра! Я предлагаю заменить пакет на что-нибудь поплотнее.

– На антресолях есть коробка из-под пылесоса, она как раз подходящего размера! – вспомнила Юля.

Пока она вела разыскные работы на антресолях, я успела умыться и сменить ночнушку на джинсы с майкой – наряд, гораздо более подходящий для ландшафтно-озеленительных работ.

– Вот! – Юля притащила коробку и поставила ее рядом с кактусом. – Смотри, она ему подходит идеально!

– Жаль, что он к ней не подходит, – буркнула я, переводя взгляд с круглого объекта на квадратный.

– Кто – он?

– Кактус! Будь он самоходный, как ежик, мог бы залезть в коробку самостоятельно! – объяснила я. – А так непонятно, как его туда поместить? Он же колючий, зараза, в руки взять невозможно!

– Ой, да, раньше при транспортировке мы за горшок держались, а теперь, получается, вовсе не за что, – согласилась со мной Юля и расстроилась.

– Конечно, можно взять большой мясницкий нож... – неохотно начала я и недоговорила.

– Нет, я категорически против расчлененки! – вскричала моя подружка. – Это тоже будет надругательство над трупом бедной Чучундры! К тому же... – Она постреляла в уже убитый кактус глазами и вполне спокойно договорила: – Это не решит проблему с иголками. Куски все равно будут колючие, руками не возьмешь.

– Тут лопата нужна, – постановила я и требовательно прищурилась. – Лопата у нас есть?

– На антресолях точно нету, я там все перерыла.

– Нужна лопата, – повторила я.

И сосредоточилась, вспоминая, когда и где я в последний раз видела шанцевый инструмент.

«На картофельном поле у бабушки в де-ревне», – любезно подсказал мне внутренний голос.

– У дворника должна быть лопата, он же чем-то снег зимой убирает! – сообразила Юля.

– Айда к дворнику!

Мы побежали в прихожую и уже там, глядя, как Юля с гримасой отвращения на лице заталкивает ноги в мокрые туфли, я вспомнила, о чем хотела спросить подружку еще вчера:

– Слушай, а ты-то сама где была, когда я вела неравный бой с Чучундрой?

Юля замялась.

– Ну-у-у-у?!

Я поставила руки в бока.

– Признавайся, где ты шлялась, подруга?

– Почему сразу шлялась, я просто пошла погулять перед сном, – заюлила Юля.

– Ты не пошла, ты сбежала, – уличила я обманщицу. – Тайно! Предварительно поставившись внушить мне ошибочную уверенность в том, что ты уже легла и крепко спишь!

Юля вздохнула и пожаловалась:

– Ты бредишь мою сердечную рану.

– Которую? – хладнокровно уточнила я.

По количеству ран на квадратный сантиметр сердечной мышцы с Юлей мог бы соревноваться разве что безответно влюбленный печальный Пьеро. К счастью, эти ее ранения болезненны, но не смертельны.

– Ту, которую нанес мне Леонард.

Голубые глаза подружки то ли заслезились, то ли затуманились.

– Который? – повторила я. – Я знаю как минимум троих: Леонардо Ди Каприо, Леонардо да Винчи и Леонард Коэн.

– Коэн? – заинтересовалась Юля. – Это еще кто?

– Канадский поэт, писатель и певец.

– А что он поет?

– Что надо, то и поет, не заговаривай мне зубы! – Я решила, что сейчас не время для лекции по истории зарубежной литературы. – Что там еще за Леонард у тебя, давай говори!

Юля присела на тумбочку для обуви и взмахнула сырой туфлей, как фея волшебной палочкой.

Поскольку никакой Леонард после этого в нашей прихожей не материализовался, я повторила:

– Рассказывай!

– Мой Леонард, он...

Подружка мечтательно прижмурилась.

– Он умный, как да Винчи, красивый, как Ди Каприо, и галантный, как Боярский в роли шевалье де Брильи в кино про гардемаринчиков...

– Боярский как-то выбивается из ряда Леонардов, – заметила я.

– Почему? – Мечтательница открыла глаза.

– Хотя бы потому, что он не Леонард. А у твоего-то Леонарда фамилия имеется?

– Наверняка имеется, – подружка пожалала плечами. – Только я ее не знаю.

Путем экспресс-допроса, без промедления проведенного мною тут же, в прихожей, выяснилось, что Юля вообще ничего о своем Леонарде не знает. Даже его настоящего имени, потому что всем (кроме Юли) понятно, что назваться Леонардом на Фейсбуке запросто может любой Колян, Толян или Вован.

– Короче, я резюмирую: ты, идиотка этакая, в очередной раз познакомилась с фиг знает каким хмырем в Интернете и побежала к нему на свиданку фиг знает куда?! – Я возвела очи

вверх, призывая потолочное перекрытие, чердак и невозмутимые небеса над ним в свидетели девичьей глупости.

– Почему – фиг знает куда? – Глупая девица вяло попыталась оправдаться: – Не фиг знает куда, а в телефонную будку на углу у супермаркета.

– Ку-да?! – Я выкатила глаза.

Свидание в тесной телефонной будке наверняка предполагало плотный телесный контакт. Ох, и пройдоха этот Леонард, он же Толян, он же Вован!

– Ну, а что такого?

Юля поморгала, осушая и проветривая лазурную голубизну наивных глаз.

– Шел дождь, не стоять же мне было под открытым небом, кем бы я стала – мокрой курицей? По-моему, совершенно естественно было назначить свидание в помещении, а кафе уже закрылись, не на вокзале же нам было впервые встречаться?

– По-моему, совершенно естественно было бы перенести первую встречу на светлое время суток и именно в кафе или в другое людное место! – Я постучала согнутым пальцем по виску. – Ты вообще соображаешь, что делаешь?

– Ах, Поля, я в отчаянии!

Юля всплеснула сразу двумя туфлями.

– Мне скоро двадцать пять, а у меня нет ни мужа, ни даже жениха и уже никаких надежд на его случайное появление! С этим же нужно что-то делать, нельзя и дальше сидеть сложа руки!

Она звучно хлопнула по коленкам зажатými в руках туфлями и громко всхлипнула.

– Спокойствие, только спокойствие! – Я поняла, что наступила подруженьке на большую мозоль, и поспешила дать задний ход: – Ничего пока не потеряно, тебе даже двадцати пяти еще не исполнилось, еще рано отчаиваться!

– Можно подумать, за оставшиеся до моего двадцатипятилетия два месяца что-то радикально изменится, – горько усмехнулась подруга. – Можно подумать, мой суженый ждет меня за дверью!

Она шмякнула туфли на пол, вбила в них ноги, встала, решительно потянулась к вешалке и сокрушенно зацокала языком:

– Ц-ц-ц, а пончо-то я не просушила!

– Ты потащила на свиданку в дождь в настоящем мексиканском пончо из натуральной шерсти ламы?! – Вот тут я по-настоящему ужаснулась. – Юлька, оно же полиняет и сядет!

– Типун тебе на язык! – огрызнулась подружка и с мокрым пончо в руках убежала на балкон – вывешивать дорогое и красивое одеяние на просушку.

– Чем только не пожертвует глупая девушка ради обручального колечка! – вздохнула я, дожидаясь возвращения Юли.

Она пришла, сдернула с вешалки плащ и со словами:

– Все, хватит сопли пускать, нам еще зеленый труп хоронить! – распахнула наружную дверь.

И мы обе замерли на пороге.

– Д-доброе утро, – неуверенно сказал мужчина, высящийся на коврик под дверью.

– Ма-ма, – по слогам сказала Юля, впиваясь в незнакомца, ожидавшего под дверью, взглядом цепким и пронзительным, как колючки Чучундры, царство ей небесное.

На чью-либо маму мужчина ни капельки не походил, а вот на Леонардо Ди Каприо, не к ночи будь помянут, чем-то действительно смахивал: тоже смазливый блондин с проникновенным взглядом и обаятельной кривой улыбочкой.

– Надо же! Он ждал тебя за дверью! Неужто это знак?! – Мой потрясенный шепот прозвучал эхом невысказанной Юлиной мысли.

– Молодой человек, вы ко мне? – грудным контральто спросила Юля и переступила с ноги на ногу, принимая выигрышную позу, в которой она обычно фотографируется.

– Извините, это не ваше? – невпопад ответил незнакомец.

Мы с Юлей синхронно перевели взоры в направлении, заданном его указующим перстом, и неприятно задумались.

На холодном бетонном полу лестничной площадки в неудобной позе помещался еще один незнакомец. На Леонардо Ди Каприо он не походил нисколько.

Он походил на ворону, потому как одет был во все черное, включая бейсболку, твердый козырек которой торчал, как клюв.

Ворона эта, похоже, была уже дохлая. Незнакомец не шевелился и, кажется, не дышал, лежа затылком в подозрительной темной луже.

– Вы упомянули какой-то зеленый труп, вот я и подумал... – промямлил живой незнакомец.

Я молча потянула Юлю за рукав и захлопнула дверь перед носом бестактного типа.

– Что-то я не понимаю, – подружка свела глаза к переносице и нахмурилась. – Вот это что сейчас было, а? Чудесное явление мне суженого или как?

– Ага, сразу двух суженых – на выбор! – нервно хмыкнула я. – Хочешь – живого бери, хочешь – мертвого! Слушай, ну до чего некстати ты ляпнула про зеленый труп!

– Я же имела в виду кактус!

– А мужик-то не знает!

– Так надо ему объяснить!

С легкостью подвинув меня в сторону, Юля вновь широко распахнула дверь.

Живой мужик никуда не делся, так и стоял на коврик, озадаченно моргая, только руку, поднесенную к кнопке звонка, успел опустить.

Мертвый мужик, к сожалению, тоже не развоплотился.

– Юлька, не подходи к нему, натопчешь рядом, потом не отмажемся, – быстро сказала я подружке, явно нацелившейся переступить порог.

Подружка кивнула, показывая, что поняла и приняла мои резоны, и сладким людоедским голосом пропела:

– Вы заходите, молодой человек, заходите, не стесняйтесь!

Одновременно она выбросила вперед руку и мощным рывком втянула незнакомца в прихожую.

Я поспешила закрыть за ним дверь.

– А вот теперь поговорим, – довольно зловеще молвила моя подружка. – Во-первых, кто вы такой?

– Как вам сказать, – допрашиваемый подозрительно замялся. – С чего начать, я не знаю... Ну, я боксер...

– Да хоть синхронный бильярдист! – отмахнулась Юля – она ни разу не спортивный фанат. – Имя у вас есть?

– Э...

– Эдик?

– Не подсказывай ему ответы, – вмешалась я.

– Эдик, – согласился допрашиваемый.

– Видишь, человек просто заикается, – сказала мне Юля.

– Еще бы! – Я вспомнила неподвижное тело на лестничной площадке. – Я бы вообще онемела, если бы труп нашла!

– Кстати, о трупе, – Юля непринужденно сменила тему и оглянулась на комнату, где осталась лежать Чучундра. – Нам ведь по-прежнему нужна лопата!

– Закапывать будете? – живо поинтересовался Эдик.

Слишком живо для заики.

Я посмотрела на него с подозрением:

– Ты откуда взялся, умник такой?

– Шел мимо, дай, думаю, зайду, спрошу, не сдастся ли тут жилье! – отрапортовал умник.

– Небось квартировал когда-то у Гавросича? – догадалась Юля.

– Не сам, родственник тут жил, – Эдик опять замялся. – Хотя, может, и не тут, давно это было, родственник точный адрес уже не помнит. Сказал мне: «Ищи старый дом в один подъезд, квартира на верхнем этаже». Вот я и нашел.

– Тогда понятно, – кивнула Юля. – Наш дом один такой остался.

– Тогда понятно, – повторила я. – Наш дед уже лет двадцать держит жильцов, вполне могло второе и даже третье поколение квартиросъемщиков подрасти.

Мы помолчали немного.

Эдик тихо лыбился, Юля розовела щеками, а я не знала, как половчее выставить незваного гостя, явившегося к тому же в крайне неподходящий момент.

– Вообще-то в настоящий момент у Гавросича мы с подругой живем, – сообщила я, давая понять, что свободных келий в нашей скромной обители не имеется.

– Вообще-то Гавросич подумывал лоджию сдать, – некстати вспомнила Юля.

Судя по одобрительным взглядам, которые моя подруга бросала на Эдика, она была не прочь продолжить знакомство.

– Вообще-то Гавросич только вечером вернется, а мы не в курсе его коммерческих планов, – проворчала я.

– Вообще-то я никуда не спешу и могу подождать возвращения хозяина, – заявил Эдик. – Тем более что вам, похоже, не помешает поделеньник, то есть, я хотел сказать, помощник. Знаете, я ведь умею обращаться с лопатой!

– Нет у нас лопаты, – буркнула я.

Навязчивый Эдик мне не нравился.

– Лопата есть у дворника, – напомнила Юля.

– Знаете, девушки, мне кажется, не стоит впутывать в это дело дворника, – проникновенно сказал Эдик. – И вообще, где в центре города вы собирались произвести тайное захоронение?

– Вообще-то про захоронение мы еще не думали, – призналась Юля и снова оглянулась на комнату с кактусом. – Сейчас лопата нужна, чтобы поместить его в коробку.

– Куда?

Эдик поднял брови.

Видно было, что ему непонятно, но интересно.

– В коробку от пылесоса, – любезно пояснила Юля.

Видно было, что внимание приятного молодого человека к деликатным проблемам нашей тихой девичьей жизни доставляет ей удовольствие.

– От пылесоса? – Брови Эдика приподнялись еще на полсантиметра примерно. – Но как? Он же туда не поместится! Или у вас промышленный пылесос?

– Если он не поместится целиком, положим кусками, но очень не хотелось бы, – вздохнула Юля. – Заляпаем весь паркет, потом придется отмывать...

– Паркет? – Эдик оглянулся на дверь.

Все правильно, на лестничной площадке у нас древняя метлахская плитка.

Я нервно захихикала, смекнув, что Юля и Эдик друг друга не поняли, но не успела им об этом сообщить.

Меня отвлек телефонный звонок.

– Алле? – первой сцапав трубку, кокетливо мурлыкнула в нее Юля. – Кто? Нееет! Не я это! Полина, это тебя.

Я взяла трубку:

– Да?

– Павлова Паулина Павловна?

– Ой!

При этом церемонном обращении я вспомнила, что на девять утра мне назначил встречу господин из полиции.

– Следователь Ромашкин, – сухо представился мой телефонный собеседник. – Паулина Павловна, нам с вами нужно побеседовать, дело срочное, разговор не телефонный, я могу к вам подъехать?

– А вы разве знаете мой адрес? – глупо спросила я. – А, ну да, вы же из полиции... Ну, тогда подъезжайте...

– Вот ты балда! – обругала меня подружка, с трудом дождавшись, пока я положу трубку. – Ты зачем пригласила к нам полицейского? У нас же чей-то труп под дверью!

– Ой, – пискнула я и беспомощно развела руками.

– Девочки, девочки! Если это не ваш труп...

Я зарычала.

– В смысле, если не вы сделали его трупом, то чего бояться? – рассудительно договорил Эдик. – Даже хорошо будет, если его найдет подготовленный человек, следователь, а не беременная женщина или малый ребенок.

– В соседней квартире нет детей и беременных женщин, там живет Петька, он сумасшедший программист, – возразила Юля. – Он работает дома и может сутками из квартиры не высываться. Пока Петька найдет труп, тот успеет мумифицироваться!

– Это так, но я бы не хотела, чтобы следователь обнаружил труп до разговора со мной, – сказала я и поежилась. – Такая находка может сильно изменить тему и настроение нашей беседы, а я и без того беспокоюсь, не зная, зачем вдруг понадобилась полиции.

– Значит, надо сделать так, чтобы труп нашелся уже после вашего разговора, – кивнула Юля.

– Тем более что «после того» не значит «вследствие того», – вставил Эдик.

– Смотрю, тебе знакомы азы юриспруденции, боксер! – заметила я, но не стала отвлекаться на это обстоятельство. – Как бы сделать так, чтобы следователь заметил труп не сразу, не на входе в квартиру, а при выходе из нее?

– На антресолях есть еще коробки, – с намеком предложила Юля. – Надо посмотреть, какая ему подойдет.

Не откладывая дело в долгий ящик, она приоткрыла дверь и по пояс высунулась на лестничную площадку, чтобы опытным взглядом снять мерку с нового объекта для упаковки.

– Ну? – поторопила ее я, устав любоваться подружкиным пышным задом.

Эдик промолчал. Видимо, не устал.

– Ну, все устроилось само, – гулким (у нас на лестнице прекрасная акустика) голосом сказала Юля.

Она посторонилась, распахнула дверь шире, и я увидела, что на лестничной площадке нет никого и ничего, кроме не столь обширного темного пятна.

– Слушай, а это гораздо круче, чем мумификация, – заметил Эдик, посмотрев на меня с уважением, которого я несколько не заслужила. – От трупа одно мокрое место осталось!

– Это не вода, – прогудела с лестничной площадки Юля.

Я ахнула.

– Но и не кровь! – успокоила меня подружка. – Воняет машинным маслом!

Она снова сунулась в дверь – глаза блестят, вся – оживление:

– Может, это был не человек, а киборг?!

– Ты тоже недавно нового «Терминатора» посмотрела? – догадался Эдик.

– И ты? – Юля оживилась пуще прежнего.

– Стоп, стоп! – Я помахала руками. – Какой может быть киборг на машинном масле, мы в своем уме? Это же был не примитивный робот из самоварного железа, весь на скрипучих шестеренках, которые нужно смазывать! Тот, кто тут лежал, выглядел в точности как настоящий живой человек! То есть как мертвый.

Скрип! – донеслось снизу.

Я замолчала.

Скрип.

Пауза.

Скрип.

Пауза.

– Он возвращается! – одними губами сказала Юля и на цыпочках забежала в квартиру.

Эдик прикрыл дверь, оставив одну узкую щелочку, и мы все трое сгруппировались у нее, тревожно сопя и пытливо щурясь.

Скрип.

Из-за поворота лестницы появился человек.

Или киборг.

Скрип. Скрип.

– А с виду совсем как живой! – нашептала мне Юля.

Человек (или киборг) остановился на нашем коврике, поднял руку (или манипулятор) и придавил кнопку звонка.

Оглушительная трель над ухом меня отрезвила.

– А ну, пропустите меня, – я растолкала соседей и отважно открыла дверь.

– Здравствуйте, вы гражданка Павлова? – совершенно правильно угадал гость.

– А вы, наверное, следователь? – Я тоже проявила сообразительность. – Ой, проходите, пожалуйста.

Эдик любезно принял куртку следователя, Юля подала ему тапки. Переобувшись, гость перестал таинственно скрипеть, и я поняла, что пугающий звук производил один из его кожаных ботинков.

– Пойдемте на кухню, заодно чаю попьем, – радушно предложила я, взмахом руки отогнав подальше Юлю и Эдика.

Теплый солнечный день – подарок господу всем, а бездомным – в первую очередь.

Идейный сквоттер Егорыч сонно жмурился, полулежа на оставленной присмирившим ручьем куче веток, как в плетеном шезлонге.

Чтобы тыл не отсырел, мудрый человек подстелил под себя многофункциональный полиэтиленовый дождевик, а под голову для удобства положил упругий валик из сапог, вложенных один в другой.

На случай, если солнышко начнет припекать, наготове был зонт, способный функционировать и как тент.

Все вчерашние обновления Егорыча показали себя весьма полезными приобретениями, и, млея на пригреве, сквоттер лениво размышлял о том, что жизнь уже налаживается и станет еще лучше, если к божьему человеку продолжат поступать чьи-то дары.

Идея еще разочек заглянуть все в тот же подъезд, как в волшебный сундучок с подарками, в контексте этих размышлений возникла естественно и развилась органично.

Бабушка Вера Григорьевна, будучи ровесницей и сторонницей коллективизации, и в рыночные времена нашла себе место в обществе. Социально активную позицию баба Вера занимала на лавочке у подъезда. С покосившейся деревянной скамьи, как с трибуны, бабушка Вера обличала многочисленные недостатки современной жизни, быта и нравов.

Голос у старушки в отличие от зрения, памяти и ног с годами слабее не стал, а выражения от времени только окрепли и сбивали не подготовленных к словесной атаке граждан не только с толку, но и с курса. Поэтому знающие люди в присутствии на посту бабы Веры старались прокладывать маршруты подальше от ее стратегической лавочки.

Накануне старушка целый день просидела дома из-за ливня, не имея возможности надзирать за происходящим в мире иначе, как посредством просмотра телевизионных программ. К сожалению, в новостях показывали все больше чужие страны и далекую столицу. Охватить заботливым взором милый сердцу родной двор через окно баба Вера тоже не могла, потому как потоки дождя сделали стекло волнистым и непроглядным.

Наутро стало солнечно. Старушка с нетерпением дождалась, пока лужи обмелеют настолько, чтобы не заливать в калоши, а с любимой лавочки хотя бы перестанет капать, и выдвинулась на огневую позицию с рулоном клеенки наперевес.

Некоторое время она развлекала себя тем, что в старый театральный бинокль разглядывала двор, оценивая урон, нанесенный ему шквальным ливнем. Если бы дворник Азиз проявил неосторожность и появился во дворе во плоти (шарканье метлы за углом баба Вера не расслышала), равнодушная старушка нагрозила бы его работой за троих.

Впрочем, это не доставило бы ей особого удовольствия. Дворник Азиз с бабой Верой не спорил, вежливо кланялся и кротко принимал все ее ценные руководящие указания. Побеждать такого противника было попросту неинтересно.

Другое дело – соседи. Каждого из них баба Вера знала в лицо и по походке, так что все необычное и неправильное в облике и поведении замечала сразу же и могла без промедления заклеить.

К сожалению, в трехэтажном одноподъездном домике было всего-то шесть квартир и двенадцать постоянных жильцов – маловато материала для клеймения. Хорошо еще, кобель из третьей квартиры регулярно водил к себе разных девах, а старый хрыч из шестой нелегально держал квартирантов, и пришлый люд вносил в жизнь бабы Веры желанное разнообразие.

Этим утром старушке повезло: словно компенсируя вчерашнюю скукотень, новый день щедро, как из мешка, вываливал пред очи бабы Веры незнакомцев.

Едва она обстоятельно устроилась на лавочке – застелила ее сначала клеенкой, потом пледом, а сверху еще положила подушечку, – как появился первый пришлый.

Рыжеватый смазливый блондин с хитрой рожей прошагал в чужой подъезд, как к себе домой, походя царапнув бабушку цепким взглядом и – для компенсации, наверное, – преувеличенно душевно поздоровавшись:

– Добренького утречка, бабуленька!

– И тебе не хворать, внучок! – в той же тональности напевно откликнулась баба Вера, подумав про себя: «У-у-у, чертяка конопатый! Рыжий, глаз бесстыжий!»

Не прошло и пяти минут, как из подъезда вышел другой чужак – не рыжий, непонятной масти, в кепке. Он даже не вышел, а вывалился, с крыльца едва не рухнул и дальше поплыл, как пьяный лебедь, по синусоиде.

– Залил zenки с утра пораньше! – радостно приветствовала незнакомца пьяницу баба Вера. – Ишь, нажрался, клоп вонючий!

Мужик и впрямь изрядно попахивал.

– Слесарь, что ль? – крикнула ему вслед любопытная бабушка, запоздало распознав вонь машинного масла.

Но предполагаемый слесарь ей не ответил. Ему было не до того: за кустами его шумно вывернуло, и равнодушная баба Вера посочувствовала дворнику Азизу: мало тому было природной грязи во дворе, теперь еще и за алкашом приبلудным убирать!

Нервничая, я звенела ложкой в чашке, как корова колокольцем, но следователь был невозмутим. Отодвинув нетронутую чашку, он открыл блокнот:

– Итак, Паулина Павловна...

– Полина, – перебила я. – Пожалуйста, называйте меня Полиной, я так привыкла.

– Хорошо. Скажите, Полина, вы ведь участвовали в телевизионной программе «Совет да любовь»?

– Пассивно, – я поморщилась. – Сидела в зале и смотрела.

– В зале?

– Ага. В зале смотрела в оба, а на экране потом уже вполглаза смотрела, потому что мне очень стыдно было, – вздохнула я. – Вы же видели, что там невестушки вытворяли?

– Вообще-то еще не видел, – признался следователь и, кажется, смутился. – Вообще-то я думал, что это вы были одной из «невестушек». Разве нет?

– А, это Юлины штучки, – я скривилась. – Она послала заявку на участие в программе от моего имени.

– Зачем?

– Затем, что у меня имя прикольное – Павлова Паулина Павловна! – как всегда, едва задела тему моего небанального ФИО, я начала сердиться. – Известно же, что на телевидении нужно чем-то выделиться, чтобы тебя заметили в общей массе, вот Юля и придумала хитрый ход.

– А фамилия самой Юли? – Следователь занес над блокнотом остро заточенный карандаш.

– Тихонова она, Тихонова Юлия Юрьевна. А почему вы спрашиваете?

– Потому что немного напутал и пришел не по адресу.

– Если вам нужна не я, а Юля, то как раз по адресу, мы обе тут живем, – я поняла, что ко мне у полиции ничего нет, и мне сразу же полегчало. – Это она вам тапочки подавала.

– Добрая девушка, – заметил следователь и улыбнулся. – Значит, это она ищет себе жениха?

– Она, она!

– А вы не ищете?

– А почему вы спрашиваете?

– Извините, это не имеет отношения к делу, – следователь перестал улыбаться. – Что ж, Полина Павловна, очевидно, я должен побеседовать с вашей подругой.

Он встал и коротко огляделся, как бы в поисках правильной собеседницы.

Словно Юля могла прятаться под столом или за холодильником.

– Она там, – я махнула рукой на дверь нашей девичьей светелки.

– Очевидно, не одна? – уточнил следователь, сделав пару шагов и насторожившись.

– С Эдуардом и Чучундрой, – ответила я, прислушиваясь к доносящимся из комнаты звукам и стараясь не выдать растущего беспокойства.

За дверью стучали, скрипели, топали и издавали невнятные гортанные звуки.

Бог мой, чем они там занимаются? Предаются бурной страсти? Всего лишь через полчаса после знакомства?!

– С Чучундрой? – повторил следователь, делаясь задумчивым.

Я бы тоже озадачилась, гадая, кому принадлежит такое имечко.

Хм, если вдуматься, мои родители не такие уж изверги. Я хотя бы не Чучундра Павловна по паспорту, уже и на том спасибо.

– Кто-кто, а Чучундра вашей беседе точно не помешает, – заверила я следователя.

С чего бы такому страшилищу, как наш кактус, мешать допросу? Напротив, он даже может помочь. Не зря ведь разные жуткие предметики и вещички – обязательная часть убранства классической пыточной.

Меня больше волновало, не помешает ли чему-нибудь наш случайный товарищ Эдик, но узнать это, не заглянув в комнату, возможности не было.

Я громко покричала:

– Тук-тук! – и еще продублировала сигнал стуком, который поднял бы Илью Муромца, тридцать лет и три года проспавшего на печи.

– Ой, здрасте! – оживленно сказала открывшая нам Юля и шумно сдула локон со щеки.

В руке у нее была швабра.

Бог мой, неужто они делали уборку?!

«Версия с бурной страстью выглядела более убедительной», – высказался мой внутренний голос.

– Позвольте войти? – спросил вежливый следователь.

– Конечно! – ответила Юля и сделала резкий выпад шваброй вниз и в сторону.

Откровенно толкаясь, мы со следователем протиснулись в комнату, и я наконец смогла понять, какой увлекательной физкультурой занимались Юля и Эдик.

Они положили набок открытую коробку от пылесоса и загоняли в нее Чучундру подсобным инструментом: Юля – шваброй, а Эдик – крючковой ручкой мужского зонта.

Чучундра выглядела изрядно загнанной, но не в том смысле, как надо бы: здорово помятая и сильно полысевшая, упаковать себя она все-таки не дала.

– А что это вы тут делаете? – спросил заинтригованный следователь въедливым голосом приставучего мальчика из старого фильма.

– Э-э-э... Это мы тренируемся! – нашелся Эдик.

– Это у нас как бы керлинг, – сказала Юля и со скрипом потеряла пол шваброй.

– И одновременно как бы хоккей с мячом, – добавил Эдик и стукнул кактус клюшкой так удачно, что наконец-то случился гол. – О! Один – ноль в мою пользу!

– Хоккей с кактусом? – лишь самую малость удивился следователь.

Я подумала, что у него очень крепкие нервы.

– Ну, это же летний вид спорта! – не задержался с ответом Эдик. – Для жарких стран с тропической растительностью!

– Понятно, – обронил следователь.

И явно соврал: по нарочито невозмутимому лицу его было видно, что с диагнозом Юли и Эдика он еще не определился.

– Юлия Юрьевна, могу я с вами побеседовать?

– Да! А о чем? – Юля отбросила швабру и охотно пошла на сотрудничество.

– Это приватный разговор, – сказал следователь и выразительно покосился на Эдика.

Эдик выразительно покосился на меня, я на Юлю, Юля на Чучундру, а та уже и без того в высшей степени выразительно покосилась и даже завалилась.

– Ладно, вы тут беседуйте, а я поеду новую Чучундру покупать, – решила я и потянула за рукав Эдика.

Следователь при этих моих словах взглянул на кактус в коробке, а Эдик пробормотал:

– Ни дня без тренировки! – и пристукнул об пол ручкой зонта, как караульный гвардеец прикладом.

Следователь с укоризной посмотрел на меня:

– Полина, вы готовы оставить свою подругу наедине с первым встречным?

– Так вы же следователь! – обиделась я.

– А вы в этом уверены? Вы даже удостоверение показать не попросили!

– А ну, живо покажите удостоверение! – хором потребовали я, Эдик и Юля.

Следователь вынул из кармана дерматиновую книжечку и звонко, как клювом, пощелкал ею перед лицами любопытствующих.

– Ромашкин Алексей Витальевич, – успела я прочитать.

Я вообще очень быстро читаю, это у меня профессиональное.

– Рома-а-шкин! – восхитилась Юля и посмотрела на Алексея Витальевича с новым интересом.

Мне стало ясно, что она прикидывает, как сочетаются ее имя-отчество с роскошной фамилией «Ромашкина».

– Тихонова! – обратилась я к ней по фамилии предков, чтобы не забывалась.

– Я уже почти двадцать пять лет Тихонова! – огрызнулась подружка, посмотрев на меня с вызовом, который я неблагоразумно приняла.

– Ладно, мы подождем на кухне, а вы тут беседуйте, – я выразительно посмотрела на Эдика.

– Иду-иду, – заторопился он. – Заодно чаю попьем.

– Как раз есть чашечка еще теплого, – согласилась я.

Заурядного с виду парня в неброской одежде баба Вера пропустила мимо без звука. Физиономист-самоучка с большим практическим опытом, она давно научилась с высокой степенью вероятности определять, кто «шляется», а кто «следует по государственной надобности».

Этот, неброский, почти наверняка состоял на службе и находился при исполнении.

Баба Вера неловко, но тщательно протерла артритным пальцем в вязаной перчатке окуляры театрального бинокля и проследила за «государевым человеком» через окна на лестничной клетке.

Парень без остановок проследовал на третий этаж, а в какую квартиру – этого баба Вера, к ее большому сожалению, увидеть не могла. «Небось к Гаврилке заявили накопец-то из налоговой», – подумала бабушка злорадно.

«Гаврилку», которого давно уже именовали Гавриилом Иосифовичем, баба Вера знала со времен его, Гаврилки, босоногого и голозадного детства и за истекший период накопила к нему немало претензий.

Список открывало окно, разбитое Гаврилкиным футбольным мячом в одна тысяча девятьсот сорок шестом году...

Бабушка задумалась о добрых старых временах и чуть не пропустила нового чужака!

Вблизи дома неярко нарисовался бородатый дядька в потрепанном комбинезоне маскировочного окраса.

Несмотря на покрой и расцветку в стиле «милитари», форменным армейским одеяние не выглядело, и на представителя регулярных воинских сил чужак не походил – разве что на лесного партизана с очень большим стажем.

Оценив, как этот тип продвигается к подъезду (короткими перебежками от укрытия к укрытию, а на открытых участках – с видом «ля-ля-ля, я тут вышел погулять»), баба Вера азартно насторожилась.

Конечно, можно было бы гаркнуть во все горло: «Эй, ты, куда прешь, чего тут забыл, в приличном доме?!», но посмотреть, что произойдет дальше, было гораздо интереснее.

Покосившись на древнюю бабку, которая застыла на деревянной лавочке, как изготовленная из того же материала резная фигура, Егорыч шмыгнул в подъезд и сразу же искалательно обшарил взглядом сумрачные углы.

Не повезло: на сей раз никто там ничего не складировал.

Разочарованно вздохнув, Егорыч поднялся на пару ступенек и заглянул поверх перил на следующий лестничный марш.

А вот теперь повезло: на ступеньках призрачно белело что-то мануфактурное!

– Сеточка! – обрадовался идейный сквоттер, проворно подобрав отрез легкой ткани, присборенной с одного края.

Материал был явно синтетический, тонкий, но прочный, в частую мелкую дырочку. Самое то, чтобы рыбу ловить!

Егорыч вспомнил, что в заводи, оставшейся после вчерашнего разлива ручья, что-то такое серебрилось и плескалось, и порадовался, как удачно все складывается.

Аккуратно скрутив невесомую сеточку в плотный клубочек, он бережно спрятал находку за пазуху. Он совершил бы разведывательную экспедицию по лестнице до верхнего этажа, но там хлопнула дверь, и Егорыч от греха подальше ретировался.

– И чего приходил? Чего хотел? – закричала ему в спину баба Вера, смекнувшая, что ничего более интересного с участием данного персонажа не произойдет. – Шляются тут всякие, а потом у добрых людей вещи пропадают!

Егорыч вздрогнул, ссутулился и поспешил растаять в кустах.

– Тьфу, чертяка! – Баба Вера плюнула и с надеждой уставилась на подъезд: авось еще кто появится.

И вправду появился – все тот же «государев человек».

Вопреки ожиданиям бабушки, он не конвоировал зловредного Гаврилку с заломленными за спину руками и в наручниках. Шел сам по себе и с таким видом, что было ясно: приставать не стоит, пусть деловитый служивый идет себе с миром.

Баба Вера все-таки пробурчала свое традиционное «Ходят тут всякие!», но предусмотрительно дождалась, пока деловитый служивый отойдет подальше, чтоб не услышал.

– Ну? Что так долго-то?

В ожидании окончания беседы следователя Ромашкина с гражданкой Тихоновой мы с гражданином Эдиком, фамилию которого я забыла спросить, не только выпили чай, но и съели яичницу из шести яиц с остатками колбаски.

Юля, явившись к нам, пошевелила носом и с надеждой огляделась, но источник аппетитного запаха был уже надежно спрятан в наших с Эдиком желудках.

– Могу тебе кашу предложить, – сжалилась я над голодной подружкой. – Гречневую, с грибами. Гавросич себе сварил и забыл судочек в холодильнике.

– Давай кашу, – согласилась Юля и решительно придвинула к столу последнюю свободную табуретку.

– Дам, если расскажешь, о чем со следователем говорила!

– Смотри, какая шантажистка! – пожаловалась Юля Эдику.

– А у меня шоколадка есть, – сказал тот. – Дам, если расскажешь, о чем говорили со следователем!

– Шайка шантажистов, – Юля вздохнула, взяла из сахарницы кубик любимого Гавросичем рафинада, закинула его в рот и захрустела. – Лефа фкавал...

– Лефа? – перебила я, хмурясь.

– Ну, Алексей Витальевич Ромашкин, наш следователь.

– Наш?

– Ладно, не хочешь – не наш, тогда мой. Ты будешь слушать?

– Будет, – ответил за меня Эдик и жестом показал – молчи, мол, не перебивай.

Я заткнулась, хотя мне было что сказать девице, которая после двадцатиминутной беседы приватизирует следователя российской полиции настолько, что называет его Лешей!

– Так вот, Леша рассказал мне про маньяка, – продолжила Юля и снова оборвала увлекательные речи. – А где моя каша?

– Вот! – Я шваркнула на стол тарелку и ложку.

Эдик, не дожидаясь напоминания, спешно добавил к натюрморту шоколадный батончик.

– Ум-м-м, – промычала Юля, уминая гречку. – Фкуфная фафа!

– К черту фафу, давай про Лефу! – потребовала я.

– И про маньяка! – попросил Эдик.

Юля шумно сглотнула, отдышалась и, важничая, сообщила:

– Вообще-то это секретная информация, и я не должна ее разглашать...

– Отберу кашу, – пригрозила я.

Эдик молча потянулся к батончику.

Юля хлопнула его по руке и продолжила:

– Но с какой стати у меня должны быть какие-то тайны от лучшей подруги! Разумеется, я все тебе, Польша, расскажу.

– А мне? – расстроился Эдик, не будучи вправе претендовать на привилегии лучшей подруги.

– И тебе расскажу, мне не жалко, – согласилась Юля. – Короче, слушайте и не говорите, что не слышали. Среди зрителей телешоу «Совет да любовь» завелся маньяк! Он убил уже трех девушек в разных городах – Казани, Новгороде и Саратове.

– Стоп! – Я подняла руку, забыв, что в ней поварешка, и капнула кашей себе на плечо. – Черт!

– Это к деньгам, – утешил меня Эдик, подав бумажную салфетку.

Я отряхнула майку и повторила:

– Стоп, не части! Давай подробности. Почему полиция думает, что эти три убийства связаны между собой и совершены маньяком?

– Да потому, что все убитые девушки участвовали в телешоу в роли невест, – объяснила Юля. – И всех их одинаково убили – задушили свадебной фатой.

– Логично, – оценила я.

– Готично, – оценил Эдик. – А почему просвещенное человечество ничего об этих ужасах не знает?

– Потому что полиция все скрывает, разумеется, – Юля пожала плечами. – Ажиотаж в СМИ и паника в народных массах не в их интересах, им маньяка поймать надо.

– А, так его еще не поймали? – Я уловила главное и заволновалась: – Юлька! Только не говори, что следователь пришел к тебе потому, что и ты в опасности!

– Конечно, именно поэтому! – Подружка гордо распрямила плечи, заодно выкатив круче прежнего внушительную грудь.

Эдик задышал чаще. Заволновался, должно быть, о Юлиной безопасности.

– А он каких участниц шоу убивал, этот маньяк? Наверное, победительниц? – понадеялась я.

– Вот тут маньяк никакой системы не продемонстрировал, – с сожалением сказала Юля. – Один раз он задушил победившую участницу и дважды – проигравших.

– Тогда статистика не в твою пользу, – огорчилась я.

– Да брось, в том шоу, где я участвовала, были три соискательницы брачного венца, а маньяк убивает только одну девицу из программы, так что два к одному, что я останусь в живых, – отмахнулась моя легкомысленная подружка. – К тому же: не зря говорят «Предупрежден – значит, вооружен». Я буду смотреть в оба и не позволю маньяку ко мне подбаться.

– Да? Может, уже позволила! – не сдержалась я. – Может, это он сидит рядом с тробой!

– Я?! – удивился Эдик.

– Он?! – Юля захохотала.

Эдик немного подумал и решил обидеться:

– Что, я не гожусь в секс-маньяки?

– Какой из тебя маньяк-убийца, Эдя, ты же милый! – Юля потянулась и потрепала милого Эдю по загривку, как щенка. – К тому же Леша тебя видел и обещал узнать, кто ты такой.

– И вправду мило, – Эдик скривился.

– Кого тут что-то не устраивает, тот свободен идти восвояси, – строго сказала я. – И нам с тобой, Юлия Юрьевна, тоже пора выдвигаться. Если Гавросич ввечеру не обвинит родную Чучундру, услуги маньяка-убийцы не понадобятся, дед его опередит и укокошит нас сам. Хотя, возможно, в сложившейся ситуации имеет смысл оставить тебя дома, заперев на три замка?

– С ума сошла? А Чучундру кто потащит? Ты, что ли? – фыркнула подружка. – Ты ее вместе с горшком не поднимешь, дохлятинка!

– Кто дохлятинка? Я – дохлятинка? Смотри, не загреми на тот свет раньше меня, невеста маньяка! – завелась я.

– Девочки, девочки! Не ссорьтесь! – вмешался Эдик. – Перед лицом опасности нужно выступать стройными рядами, так что пойдем колонной по три. А Чучундру вашу я понесу, мне нетрудно.

– А своих дел у тебя нет? – огрызнулась я.

– Эй, полегче! – окоротила меня Юля, явно заподозрив, что я желаю отшить случайно подвернувшегося кавалера, и желая пресечь такое глупое и вредное разбазаривание ценностей. – Эдик, мы с благодарностью принимаем твою помощь. В конце концов, пылесосная коробка с дюжим кактусом внутри – это не женская ноша.

Тут я подумала, что подруга права: картонный куб с габаритами около двух метров по сумме трех измерений – не тот аксессуар, который украсит прекрасную даму.

И перестала спорить:

– Ладно, идем втроем!

Добрый денек продолжал щедро одаривать добрую бабушку Веру: ближе к обеду объекты повалили кучно.

Из подъезда вышли сразу трое: две девки, жилички Гаврилкины, и давешний рыжий-бесстыжий. Парень нес большую коробку с изображением самого популярного домашнего питомца класса хоботных – пылесоса.

Баба Вера прицелилась и произвела пробный выстрел:

– Куды хозяйский агрегат поперли, шалавы?

Девки переглянулись.

– В ремонт, бабушка! – не растерялся рыжий. – Вот, не смог я его починить на дому, приходится в мастерскую везти!

– А ты кто, пылесосный мастер, что ли? – добрея, спросила старушка.

Пылесосных дел мастера имело смысл запомнить, мало ли, вдруг пригодится.

– Еще какой! – донеслось уже из-за угла.

Троица быстро перебирала ногами – очевидно, пылесос захворал весьма опасно и нуждался в самой скорой помощи.

– В мусорный бак Чучундру выбрасывать нельзя, туда бродячие кошки за едой лазят, какая-нибудь бедная киса может пораниться о колючки, – на ходу рассуждала Юля.

– Выбросим вместе с коробкой, она защитит бродячих кис, – предложил Эдик.

– Ты что?! На пылесос еще годовая гарантия не истекла, нельзя упаковку выбрасывать! – возразила я. – Коробку надо будет вернуть на антресоли, а то дед нас убьет.

– Я смотрю, опасно вы живете, с дедом-то вашим, – съязвил Эдик. – Чуть что не так, и убить может старче.

– Что ты, Гавросич хороший, добрый, – вступилась за нашего деда Юля. – Только немного раздражительный, но для пожилого человека это нормально.

– Так нормально, что от него вся родня убежала, – не удержалась я от ехидного комментария.

– Тем более мы должны пожалеть старика, потерявшего еще и Чучундру! По нашей вине он лишился последнего дорогого существа! – со слезой в голосе вскричала Юля и тут же радикально поменяла тон, добавив абсолютно деловито: – Смотрите, в овражке куча растительного мусора, давайте приобщим к ней нашдохлый кактус!

Под крутым бережком после ливня с разливом ручья образовался внушительный завал из коряг и веток с листьями. Лишний кактус не нарушил бы своеобразную гармонию этого природного сооружения.

– Экологически чистое захоронение, – одобрил Эдик и, встав на самом краю обрыва, перевернул коробку и вытряхнул из нее кактус. – Покойся с миром!

– Прощай, дорогая Чучундра! Мы никогда тебя не забудем! – вернув в голос хрустальную слезу, прозвенела Юля.

– Прости меня, кактус, – шепнула я.

Меня запоздало накрыло чувство вины.

Знаете ли вы, что карнегия гигантская, произрастающая в пустыне Сонора, может доживать до ста пятидесяти лет и достигать при этом пятнадцати метров в высоту и весить до десяти тонн? А цереусы, которые отличаются длинными цилиндрическими стеблями до двадцати метров в высоту, живут более трехсот лет!

У бедной Чучундры могла быть долгая жизнь, если бы не мой роковой удар подушкой.

«С другой стороны, где жили бы вы с Юлей, если бы дедов милый кактус разросся до двадцати метров?» – резонно поинтересовался мой внутренний голос.

Это замечание сразу же примирило меня со скоропостижной смертью Чучундры.

– Ну? Куда теперь? – ловко перевернув ставшую невесомой коробку, спросил повеселевший Эдик.

– А вот тут у меня адресочек, – я потянула из кармана бумажку. – Вот, улица купца Фролова, дом пять. Где это, далеко? Меня предупредили, что кактус можно забрать только до полудня.

Эдик посмотрел на часы, Юля – на солнце на полпути к зениту.

– Успеем, – решили оба.

– Ох, дуры вы безмозглые, твари чешуйчатые! – ласково ругался Егорыч, шагая по отмели в присвоенных им резиновых сапогах – тех, что побольше.

Маломерки тоже пригодились: сошли за ведерки. Один сапог Егорыч нес под мышкой, собирая в него рыбешек, застрявших на отмели.

Большая вода как накатила, так и ушла, а сазанчики, подхваченные внезапным разливом в искусственном пруду турбазы «Золотая удочка», остались. Самые умные или удачливые укрылись в заводи под корягами – тех Егорыч надеялся вытянуть сетью, но и просто так, без всякого снаряжения, мелочи на ушицу он уже поднабрал.

Жаль, что резиновые сапоги могли похвастать водонепроницаемостью, но не огнеупорностью, а то второй сапожок вполне можно было бы использовать как кастрюлю для варки!

Эх, где бы взять котелок?

Егорыч пригляделся к завалу на берегу. В куче мусора, принесенного водой, преобладала растительность, но попадались и тряпки, пластиковые бутылки, разный прочий хлам.

Егорычу сейчас нужна была посудина, и он высматривал предметы округлой формы. Нашел жестяной тазик, к сожалению, непоправимо дырявый, сдувшийся резиновый мяч и целехонький трехлитровый баллон.

А потом углядел между переплетенными ветками и глинистым откосом еще что-то округлое и зеленое, вроде помятого армейского котелка.

Тянуться сквозь преграду надо было далеко, Егорыч по самое плечо погрузил руку в хаотическое переплетение веток и стеблей, и хватать искомый предмет ему пришлось без помощи зрения, на ощупь.

Схватил – и заорал дурным голосом.

Даже глуховатая баба Вера, сидя на лавочке, услышала полный возмущения болезненный вопль. Орали в той стороне, где ручей, да так орали, что ворон с деревьев посрывало!

Жаль, что с лавочки у подъезда берег ручья даже в бинокль разглядеть было решительно невозможно.

– Как обманчива бывает внешность, – философски заметила Юля. – С виду дядя типичный алкаш, а на самом деле – надо же! – знаток и ценитель кактусов!

– Ну что, берете? – Упомянутый знаток и ценитель вернулся из короткого забега на кухню, распространяя вокруг себя запах крепкого спиртного.

– Ботаники тоже спиваются, – зашептал Эдик – еще один философ. – А то и скуриваются! Знаете, какие растения некоторые знатоки и ценители у себя в квартирах выращивают? У-у-у!

– Берем! – повысив голос, чтобы прекратить прения не по существу вопроса, сказала я. – Размерчик как раз наш.

– Вот только у нашего кактуса иголки желтые были, а у этого белые, – отметила подруга-художница деталь, которую я упустила. – Боюсь, Гавросич заметит разницу и что-то заподозрит.

– Скажите, Владимир, а можно сделать так, чтобы иголки кактуса стали желтыми, а не белыми? – спросила я хозяина квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.